
РОЛЬ И МЕСТО ГАЛАНТНОГО ДИСКУРСА В ПИСЬМАХ ЕКАТЕРИНЫ II 1762—1774 ГГ.

Т.И. Акимова

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
ул. Большевистская, 68, Саранск, Россия, 430005

Письма Екатерины II 1762—1774 гг. к европейским корреспондентам являлись важнейшим информативным каналом для государыни, пришедшей на русский трон с заявкой на просвещенный абсолютизм. Одной из его составляющих Екатерина II видела галантный дискурс, воплощавшийся в ее эпистолярии в легком и игривом тоне, который подключался к работе властительницы над формированием своего просветительского имиджа в Европе; в направлении усиления влияния роли России в мировом пространстве; в демонстрации миростроительной функции монарха

Ключевые слова: эпистолярный жанр, галантный дискурс, просвещенный монарх, просвещенный абсолютизм, Екатерина II.

Письма Екатерины (частные и официальные) составляют наибольшую часть ее литературного наследия. Сложно сказать, когда именно будущая императрица впервые обратилась к эпистолярии [1] (первый том открывается письмами принцессы Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской отцу, относящимися к моменту ее приезда в Россию), но в этом жанре была искушена ее мать, успешно пользовавшаяся им (судя по сохранившимся письмам Елизаветы Иоганны к родственникам [1]). Отличающиеся увлекательным изложением и хорошим стилем, они являют образ женщины светской и, очевидно, знакомой с литературной продукцией французских салонов. Неслучайно на знакомство с Ангальт-Цербстской принцессой будет намекать Вольтер в период завязывания переписки с Екатериной («Впрочем, милостивейшая государыня, племянник Базена сказывал мне, что он был очень привязан к Принцессе Цербстской, матери Вашего Величества; он говорил, что она была также прекрасна и преисполнена ума и что если бы была в живых, то умерла бы от радости при виде успехов ее дочери» [2. С. 40]), а сама императрица откликнется на письмо г-жи Бьельке, подруги своей матери, знавшей ее еще ветреным ребенком, как скажет она в ответном послании. Письма Екатерины г-же Бьельке будут представлять собой, по сути, ту самую светскую хронику, которую составляла для западных читателей ее мать.

По мере утверждения Екатерины как властительницы салонная составляющая все больше вплетается в ее понимание своей монаршей роли. Соответственно, салон, бывший в современной Екатерине Франции оппонентом двора, все больше становится для самой императрицы стержнем двора, и его создание обуславливается как духовными, так и политическими задачами. Тем интереснее предстает ее переписка в начале царствования, передающая, с одной стороны, усвоение ею галантного дискурса, на котором происходило общение всей интеллектуальной Европы, а с другой — его роль в государственном строительстве Екатерины Великой.

Екатерина сознательно ориентировалась на европейские газеты, тем самым доводя переписку с Вольтером и г-жой Бьельке до статуса информативного канала российской императрицы с интеллектуальной элитой Европы. Поэтому галантный салонный язык, ставший нормой дипломатического общения [4], являлся лишь внешней оболочкой, фасадом того культурного и политического здания, которое она создавала, восседая на российском троне. Отсюда галантный дискурс был только способом выражения режиссерского видения царицей (имеется в виду его масштабность и всеохватность) мирового политического процесса. В связи с этим можно выделить в рамках галантного дискурса несколько приемов, передающих совмещение в эпистолярном жанре императрицы, с одной стороны, умения хозяйки салона с каждым корреспондентом говорить на понятном языке, с другой — в ходе беседы решать политические задачи.

Среди большого количества корреспондентов Екатерина II приближает к себе тех, с кем она была лично знакома еще в бытность немецкой принцессой (Бьельке), или тех, кто был знаком с ее матерью (Вольтер). Именно к ним она обращается в 1765 г., когда желание призвать к российскому двору энциклопедиста Д'Аламбера терпит неудачу.

В первом письме к госпоже Бьельке от 10 июня 1765 г. Екатерина подчеркивает, что говорит с адресатом не как императрица, а как дочь ее старой подруги, которую та знала еще совсем молодой: «...Я только что получила ваше письмо от 5 июля. Оно напомнило мне время, которое я так приятно проводила с вами. Мне очень приятно узнать об участии, принимаемом вами со всем, что происходило со мною, и я иначе не ожидала этого от старинного друга покойной моей матери и всего ея семейства... Я была очень ветрена во времена, когда вы меня знали тому уже 22 года, однако я вспоминаю с большим удовольствием о моих старых знакомых...» [2. С. 28]. Приватность, однако, не заменяет царственной позиции автора, а является ее атрибутом — и прощается с адресатом снова императрица всероссийская: «...пребывая всегда, госпожа Бьельке, к вам *очень благосклонною*...» [2. С. 28].

Цель «приватного» стиля — установление «задушевного» контакта, ведущего к подлинному взаимопониманию, это видим в следующем письме от 19 ноября 1765 г.: «В ответ на ваше письмо от 18 окт., скажу вам, милостивая государыня, что вы очень хорошо угадали, что оно будет приятно. Я... вижу из него ваше нежное сердце и все чувства, которые столько лет привлекали к вам дружбу моих родных...» [2. С. 47]. Он же служит «царственно»-свободному переводу разговора от задушевных и «сближающих» воспоминаний, в частности, в письме той же Бьельке от 21 мая 1770 г.: «...вот уже мне 41 год, однако мне кажется, что не слишком много тому лет, как я была в Гамбурге и как со мной обращались как с ребенком...» [2. С. 20] — к политической злобе дня: «Я очень рада, что вы довольны наказом, данным мною для составления нового уложения, но оно все-таки еще не готово...» [2. С. 20].

Отвечая на письмо Вольтера, где тот представляется императрице неким племянником аббата Базена и, таким образом, вовлекает ее в своеобразную «игру в полуинкогнито», Екатерина принимает ее по-своему — скрываясь за маской польщенной чувствительной дамы и говоря о себе реальной в третьем лице: «Ека-

терина II уже много обязана племяннику аббата Базена за все лестное, распространяемое им касательно ея. Если бы она знала место его жительства, она бы непременно обратилась к нему с просьбою умножить эти обязательства присылкою всего, чтобы не было недостатка ни одной строчки в том, что не вышло из-под уважаемого пера его дяди и его самого, ибо как ни алчны у шестидесятого градуса к его произведениям, однако невозможно, чтобы некоторые не ускользнули — потеря, к которой мы очень чувствительны» [2. С. 34]. Но Екатерина не хочет игры ради игры. Вскоре призывает своего корреспондента на очную встречу — но в «увеселительном» антураже «великолепной карусели» в общаться напрямую: «Милостивый государь. Так как, благодаря Бога, племянник аббата отыскался, то вы позволите бы я вторично обратилась для передачи в его уединение прилагаемого при сем небольшого свертка как доказательство моей признательности за сказанные им мне похвалы. Я была бы очень довольна видеть вас присутствующим на моем каруселе, хотя бы даже вам пришлось перерядиться в неизвестного рыцаря; у вас было бы к тому время: непрерывный дождь, падающий в продолжение многих недель, заставил меня отложить это празднество до июня месяца будущего года» [2. С. 37—38].

Таким образом, игра для царицы, с одной стороны, непреложный атрибут содержательного общения, а с другой — никогда не является его заменой. Однако Вольтер отклонил предложение, тем самым очертив салонно-эпистолярное пространство их общения. Поэтому Екатерина ищет литературных способов проявления своей высшей монаршей роли.

Российские победы над Турцией Екатерина описывает Вольтеру в ироническом ключе, переходящем в открытый смех над варварской политикой: «Не знаю, есть ли у Мустафы ум, но у меня есть повод думать, что он говорит: „Магомет, закрой глаза!“, когда он хочет предпринимать против соседей несправедливые войны и без всякого повода... Сделаю все возможное, чтобы привести турок на то же зрелище, на котором труппа Паоли играет так хорошо. Не знаю, говорит ли последний по-французски, но он умеет защищать свои жилища и свою независимость» [2. С. 309]. Сравнивая поле боя с театральными подмостками, Екатерина как бы шутливо «утраивает» свою позицию, представляя и властелином-триумфатором, и режиссером, «отстраненно» оценивающим происходящее, и философом, смеющимся над несовершенством человеческой природы, склонной к зависти и злословию.

Праздничный, необычный характер ее смеха еще очевиднее в письме Вольтеру от 4 августа 1769 г. Екатерина подчеркивает увеселительный характер происходящих событий: «Если Мустафу не посекут, то это, конечно, будет ни по вашей, ни по моей вине, ни даже моей армии: мои солдаты идут на варваров, как на свадьбу» [2. С. 351]. А сама позиция *режиссера*, организующего этот праздник, и *философа*, утверждающего высший смысл бытия в смехе над любым непросветительским проявлением, фактически переходит из подтекста в текст в следующем письме: «...Мне очень досадно видеть из вашего... письма от 17 окт., что вас печалили тысячи ложных известий на наш счет; однако несомненно верно, что мы совершили счастливейшую компанию из когда-либо бывших: снятие осады Хотина по недостатку запасов была единственная неудача, которую можно

было нам приписать, но какое последствие имела? Полное поражение многолюдства, высланного против нас Мустафою. Один способ нашим завистникам оставался в распространении ложных слухов и сомнений в наших успехах, чем в особенности прославились *Gazette de France* и Кельнская. *Думаю, что они будут продолжать это, а я буду смеяться над ними...*» [2. С. 392].

Однако смех Екатерины в рамках галантного дискурса является не только средством умолчания о монаршем творении мира (его режиссерский аспект), но целью, т.е. удовольствием. Высмеивая антирусские выступления европейских газет о войне с Турцией как «забавные», Екатерина этим словом не только подразумевает их лживость, но действительно находит в них забаву, т.е. развлечение и удовольствие: «Говорят, что флот вышел из Магона. Надобно надеяться, что мы скоро услышим известие о нем и что он осмелится разуверить тех, которые желают, чтобы он был не в состоянии действовать. *Я нахожу это очень забавным, что зависть прибегла ко лжи, чтобы тем самым нагнать страх в свете*» [2. С. 406]; «Парижская и Кельнская газеты, приписав на наш счет столько проигранных сражений, тогда как случившееся на деле опровергало их, придумали потом уморить мою армию от чумы. *Не находите ли вы это забавным? Конечно, весною зачумленные воскреснут, чтобы сражаться. Истина в том, что ни у одного из наших не было чумы*» [2. С. 497]. Поэтому военно-политические недруги — мишени иронических выпадов царицы — служат ей же иллюстративным материалом для тем сугубо бытовой «болтовни»: «Здесь очень хорошо делают неполитый фарфор... Не знаю, государь мой, как я могла вам сказать, что ваш бюст сделан из гипса. Французская дама сказала бы, что это ни на что не похожий промах... [а] я... скажу, что *это нелепость, достойная Мустафы*» [2. С. 353]. Отсюда совмещение в письмах императрицы многих ракурсов восприятия — от серьезного до комического.

В целом, веселье в письмах Екатерины предстает одновременно средством и целью. Оно — неотъемлемая часть жизненного цикла, не только помогающая делам и даже вводящая в курс дела, но и подкрепляющая моральные силы (так, 8 октября 1770 г. она пишет госпоже Бьельке: «...чтобы несколько развеселить вас и отвлечь от грустных картин, которыми наполнен теперь датский двор, с тех пор как необузданность графа Ранцау подала повод к удалению людей заслуженных и искусных министров...» [3. С. 43]) либо непреложная венчающая дела в качестве отдыха, награды или «триумфа» (ср. письмо Вольтеру от 6 октября 1772 г.: «Умалчиваю сегодня о великой военной трагедии, о прерванном и возобновленном конгрессе: я надеюсь в скором времени уведомить вас об окончании всего этого. Вы один из первых узнаете о подписании окончательного трактата, *после чего мы возвеселимся*» [3. С. 278]).

Содержательная подоплека единства дела и развлечения по-своему обнажается в письме к г-же Бьельке от 28 апреля 1772 г. Сетования по поводу кровавого конфликта в Дании: «Датские дела наводят ужас: как можно рубить головы этим несчастным? Ужели их хотят наказать за то, что их властелин не умеет властвовать? — обрываются, как будто бы спонтанно, разговорами о бытовых увлечениях — «Сожалею об участи ваших персиковых деревьев, и разделяю вашу печаль о них...» Это обнаруживает ключевую черту Екатерины как человека и властители-

ля — *неутолимую жажду созидания*: «Я совершенно понимаю вас, так как и сама одержима плантоманиею: я бы не могла жить в таком месте, где нельзя было бы ни садить, ни строить; без этого самое красивое в мире место делается для меня скучным» [3. С. 238]. Тем самым Екатерина не только неявно противопоставляет себя датскому королю как «властелин», который «умеет властвовать», но и проявляет программную просвещенно-абсолютистскую символику монарха как мудрого «садовода».

Однако «садоводческая» миссия монарха никоим образом не отменяет садоводства как развлечения, над которым Екатерина без стеснения издевается: «Никого моя плантомания так не смешит, как графа Орлова: он за мною следит, он мне подражает, он надо мною смеется, он меня критикует, но, уезжая, он таки поручил мне свой сад на это лето, и я сама этот год буду там проказить по-своему; его имение близко отсюда. Я очень горжусь, что он признал мое садовническое искусство» [3. С. 239].

Самоирония переходит у Екатерины с «плантомании» на свою неумную жажду деятельности и сопутствующее ей «планов громадьё»: «Никогда ни одна комедия не потешала меня более, как та, где есть барон и его план, я в ней узнала себя, я говорила при каждой новой сцене: это я, это я, это совершенно я...» [3. С. 239]. Эта самоирония проявляет ключевую черту характера царицы, которую та открыто объявляет в письме Вольтеру от 6 октября 1772 г., — *веселость*: «Только что перевод русской комедии, которая нас всего более насмешила, будет кончен, он отправится в Ферней. Вы скажете, может быть, прочитав ее, что меня легче рассмешить, чем другие величества, и вы будете правы: в основе моего характера большая веселость» [3. С. 277]. Ср. благодарность Бьельке от 16 февраля 1773 г.: «Все анекдоты, которые вы мне передаете, очень интересны, я премного вам за них благодарна» [2. С. 301]. Неслучайно пожелание Вольтеру здоровья и долгих лет в письме от 20 марта 1770 г. соединяется с вышучиванием как Библии, так и расточительства современного английского двора: «...желаю, чтобы настоящее (письмо) застало ваше здоровье совершенно восстановившимся и чтобы вы достигли возраста, более преклонного, чем Мафусаиловский. Не знаю наверное, в годах этого почтенного человека имелось ли по 12-ти месяцев, но мне хотелось бы, чтобы в ваших годах их было по 13-ти, как в годовой росписи расходов на королевский дом в Англии» [2. С. 407].

Эта веселость есть в конечном счете жажда жизни, *функционально и равноправно* (без деления на средство и цель!) объединяет политическую креативность Екатерины и ее любовь к всевозможным наслаждениям. Поэтому жизнь предстает в письмах Екатерины как единый и креативный процесс, фактически не делимый на высокое и низкое, дело и забаву, которые при этом связаны нерушимым галантным «узлом».

Литература, с одной стороны, *всегда* развлечение и отдых от «насуточных» дел, а с другой стороны, их вершина. Ее серьезность лежит в другом «вечном» измерении — в отличие от самых грандиозных сегодняшних свершений. Так, в письме г-же Бьельке от 26 июня 1771 г. сухое изложение хода военных действий в стиле рапорта: «Крымский хан с семьею тысячами турок и пятьюдесятью тысячами татар защищали линию, но, боясь быть отрезанными другим посланным

корпусом, они отступили...» — мгновенно меняется разговором о литературных новинках: «Пожалуйста, скажите мне, сочинения Сведенборга, о которых вы мне говорите, есть ли на другом языке, кроме шведского: я много слышала об этом мечтателе» [3. С. 119]. Эта роль литературы как вещи «духовно насущной» косвенно утверждается в письме от 30 июня 1772 г., в котором на примере того же датского кризиса духовная доктрина власти предстает основой государственной власти и политики: «Не хочу думать об ужасах, происходящих в Дании; это очень прискорбно. Радуюсь, что принадлежу к числу безумцев, которые верят в Бога. Слыхали ли их величества о Ньюtone и Локке? Вряд ли они просвещеннее этих великих людей, которые основали свои знания на неоспоримом правиле, что $2 \times 2 = 4$ » [3. С. 142].

В свою очередь, литературные интересы никогда не помешают галантному комплименту, а в какой-то мере и подводят к нему — как в письме Вольтеру 1768 г.: «...Я просила вас тому назад около года прислать все, когда-либо написанное писателем, которого произведения наиболее люблю читать. В прошедшем мае месяце я получила желанный мною тюк в сопровождении бюста человека, самого знаменитого в нашем веке» [2. С. 306].

Особенно наглядно роль литературы как «галантного» синтеза дела и развлечения проявляется в письме Вольтеру 1768 г. Formой царской благодарности за присланные ей стихи может быть табакерка: «Я желала бы лучше послать к вам стихи в вознаграждение за ваши, но у кого нет довольно ума, чтобы сочинять стихи хорошие, то лучше приниматься за ручную работу. Вот, что я сделала: выточила табакерку, которую прошу вас принять. На ней отпечаток особы, которая наиболее уважает вас. Мне не нужно называть, вы легко узнаете ее» [2. С. 308] либо насущные государственные дела, которые, уверена царица, фернейский мудрец оценит по достоинству: «Я чувствовала одинаковое удовольствие от той и другой посылки. Уже шесть месяцев они составляют самое лучшее украшение моей комнаты и моих ежедневных занятий, но до сих пор я не сообщила вам ни о получении, ни о моей благодарности. Вот как я рассуждала: кусок бумаги, дурно написанной и наполненной плохим французским языком есть бесплодное благодарение для такого человека. Мою признательность ему следует выразить каким-нибудь деянием, которое ему понравится... наконец я придумала, что самое лучшее будет дать самой собою пример, который мог бы сделаться полезным людям. Я вспомнила, что по счастью у меня не было оспы. Я написала в Англию, чтобы достать оттуда оспопрививателя. Известный доктор Димсдейл решился приехать в Россию» [2. С. 306].

Характерно, что сама тема оспы свободно перемещается из области государственной политики в область бытовых медицинских советов соседу: «Забыла вам сказать, что я увеличила небольшой или вовсе ничтожный прием лекарства, даваемого во время привития оспы, тремя или четырьмя надежными средствами, которыми я не советую пренебрегать каждому здравомыслящему человеку...», полезность которых поверяется опять-таки литературой как универсальным критерием блага: принимать нужные лекарства — то же, что «...заставлять себя читать *l'Écossaise, Candide, l'Ingenu, l'Homme aux quarante ecus* и *la princesse de Babylone*. После этого нет никакой возможности чувствовать себя сколько-нибудь дур-

но...» Заканчивает период царица опять-таки литературными новостями: «Сверх того, граф Шувалов прекрасный чтец» [2. С. 309].

Изначально салон и присущий ему галантный дискурс отражали (в соответствии с их традиционной ролью) стремление Екатерины — Великой княгини — к освобождению и обособлению от навязчивой опеки Елизаветы Петровны и деспотии ничтожного мужа. Затем во властной и культурной стратегии Екатерины-властительницы роль салонной галантности, в том числе в ее литературном поведении, сменилась фактически на обратную. Они не просто стали помощниками императрицы в ее насущных государственных делах и сопутствующих им контактах, но стали лицом двора, знаменем новой доктрины власти и ее отношений с подданными. Однако фундаментом этой новой властной стратегии и ее галантного «ключа» оказывается в письмах Екатерины ее неделимое мироощущение. В нем дело и развлечение имеют общую подоплеку жажды жизни как креативного и полезного самовыражения личности. А галантность выражает веселость (как упоение удовлетворенной жажды жизни), катарсис и утонченность.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел. Т. 1. 1744—1764 гг. — СПб.: Тип. Имп. Ак. наук, 1871.
- [2] Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел. Т. 2. 1765—1771 г. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1872.
- [3] Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел. Т. 3. 1762—1774 г. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1874.
- [4] *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX века). — М.: ИМЛИ РАН, 2010.

THE ROLE AND PLACE OF THE GALLANT DISCOURSE IN LETTERS OF CATHERINE II IN 1762—1774 GG.

T.I. Akimova

Mordovia State university named by H.P. Ogarev
The Bolshevik str., 68, Saransk, Russia, 430005

Letters of Catherine 2 1762—1774 gg. to European correspondents were essential informative channel for the Empress, who came to the Russian throne with the application for enlightened absolutism. One of its components E2 saw gallant discourse is embodied in its epistolary in a light and playful tone, which is connected to the mistress of the work 1) on the formation of educational image in Europe, and 2) in the direction of the growing influence of Russia's role in world space, and 3) to demonstrate peace-building functions of the monarch.

Key words: epistolary genre, courteous discourse, enlightened monarch, enlightened absolutism, Catherine II.